

УДК 339.138

**МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ БОГАТСТВА ДЛЯ СОВОКУПНОГО СПРОСА И
УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИКИ**

¹*Климентьев И.Р.*

студент,

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,

Елец, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу макроэкономических последствий перераспределения богатства, которое рассматривается как инструмент социальной политики и как ключевой фактор, влияющий на совокупный спрос и общую устойчивость экономической системы. В статье исследуются теоретические противоречия между неоклассическим и кейнсианским подходами к оценке эффектов перераспределения, выделяются основные каналы его воздействия через дифференциацию предельной склонности к потреблению, инвестиционные ожидания и долговую динамику домохозяйств. На основе обзора эмпирических данных показано, что умеренное прогрессивное перераспределение не оказывает системного негативного влияния на долгосрочный рост и может способствовать стабилизации спроса. В контексте современных вызовов — глобализации, цифровизации и роста значения нематериальных активов — обосновывается необходимость модернизации фискальных инструментов и развития мер предраспределения. Делается вывод о том, что эффективно спроектированная перераспределительная политика

¹ *Научный руководитель: Шепелев М. И., к.э.н., доцент по кафедре экономики и экономического анализа, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина» Россия, г. Елец*

является неотъемлемым элементом стратегии макроэкономической стабилизации и обеспечения устойчивого развития.

Ключевые слова: перераспределение богатства, совокупный спрос, экономическая устойчивость, неравенство, фискальная политика, финансовая стабильность, макроэкономическая динамика.

***MACROECONOMIC CONSEQUENCES OF WEALTH
REDISTRIBUTION FOR AGGREGATE DEMAND AND ECONOMIC
STABILITY***

²*Klimentyev I.R.*

student,

Bunin Yelets State University,

Yelets, Russia

Abstract

The article analyzes the macroeconomic consequences of wealth redistribution, which is viewed not only as a tool of social policy but also as a key factor influencing aggregate demand and the overall stability of the economic system. The work explores the theoretical contradictions between neoclassical and Keynesian approaches to assessing the effects of redistribution, identifies the main transmission channels through the differentiation of the marginal propensity to consume, investment expectations, and household debt dynamics. Based on a review of empirical data, it is shown that moderate progressive redistribution does not have a systematic negative impact on long-term growth and can contribute to demand stabilization. In the context

² *Scientific supervisor: Shepelev M.I, PhD in Economics, Associate Professor at the Department of Economics and Economic Analysis, I. A. Bunin Yelets State University, Russia, Yelets*

of modern challenges—globalization, digitalization, and the growing importance of intangible assets—the need to modernize fiscal tools and develop redistribution measures is substantiated. The conclusion is drawn that a well-designed redistribution policy is an integral element of a strategy for macroeconomic stabilization and sustainable development.

Keywords: wealth redistribution, aggregate demand, economic stability, inequality, fiscal policy, financial stability, macroeconomic dynamics.

Динамика распределения национального богатства перестала быть исключительно вопросом социальной справедливости, превратившись в один из центральных макроэкономических факторов, определяющих траекторию долгосрочного развития. Современная экономическая реальность характеризуется усилением концентрации активов и доходов, что актуализирует исследование системных последствий этого процесса [2]. Статья сосредоточена на анализе каналов влияния перераспределения богатства на важные макроэкономические параметры, в первую очередь на совокупный спрос и устойчивость экономической системы в целом. Под перераспределением богатства в данном контексте понимается комплекс мер фискальной и социальной политики, направленных на изменение конечного распределения доходов и активов после их первичного формирования рынком. Совокупный спрос рассматривается как ключевой компонент экономической динамики, чувствительный к изменениям в распределительных паттернах. Устойчивость экономики трактуется широко — как способность системы поддерживать рост, поглощать внешние и внутренние шоки и избегать глубоких циклических спадов. Актуальность темы обусловлена накоплением эмпирических данных, свидетельствующих о том, что высокое и растущее неравенство может оказывать супрессивное воздействие на потребительский спрос массовых слоев населения,

способствовать формированию дисбалансов и повышать уязвимость финансовой системы [1].

Исследование макроэкономических последствий перераспределения богатства требует обращения к фундаментальным теоретическим противоречиям между основными экономическими школами, которые по-разному трактуют ключевые каналы воздействия на совокупный спрос. Неоклассическая теория, акцентирующая нейтральность денег и приоритет предложения, рассматривает концентрацию богатства как естественный источник сбережений, которые через механизм процентной ставки трансформируются в инвестиции, питающие долгосрочный рост. В этой логике любое перераспределение, особенно посредством прогрессивного налогообложения, создает искажения, снижая стимулы к труду, накоплению и рисковому вложению, что в конечном итоге сокращает потенциальный выпуск. Однако кейнсианская и, в особенности, посткейнсианская традиция оспаривают этот взгляд, смещая фокус на проблему обеспечения эффективного спроса [5]. Их центральный тезис состоит в том, что распределение доходов между прибылью (с высокой склонностью к сбережению) и заработной платой (с высокой склонностью к потреблению) является критическим фактором, определяющим уровень совокупных потребительских расходов. Работы Николаса Калдора и Михаила Калецкого напрямую увязывают функциональное распределение дохода с циклами деловой активности. Последующее развитие этой мысли в теории Хаймана Мински добавило финансовое измерение, связав рост неравенства с усилением долговой нагрузки домохозяйств, стремящихся поддерживать потребление, и ростом спекулятивных финансовых пузырей, что в совокупности повышает хрупкость системы [1]. Современные исследования, опирающиеся на данные Томаса Пикетти и Эммануэля Саэза, эмпирически подтвердили долгосрочные тенденции концентрации, вернув дискуссию о перераспределении в основное русло макроэкономического анализа.

Эти теоретические противоречия материализуются через конкретные трансмиссионные механизмы. Первичным и наиболее изученным каналом выступает дифференциация предельной склонности к потреблению (ПСК). Поскольку домохозяйства с низкими и средними доходами тратят на текущее потребление существенно большую долю дополнительной единицы дохода, перераспределение ресурсов в их пользу через фискальные инструменты ведет к прямому и немедленному увеличению потребительского спроса на товары и услуги массового спроса. Обратный процесс концентрации ресурсов у групп с предельно низкой ПСК ведет к росту сбережений, которые в условиях неопределенности не обязательно конвертируются в производительные инвестиции, а могут питать инфляцию на рынках активов. Второй канал — инвестиционный — является предметом острого теоретического спора. Если неоклассическая модель предсказывает его угнетение из-за снижения нормы сбережений и прибыли, то кейнсианский подход указывает на индуцированный характер инвестиций, зависящих от ожиданий будущего спроса [5]. С этой точки зрения, устойчивый рост потребительских расходов, обеспеченный перераспределением, расширяет рыночные возможности и повышает ожидаемую отдачу от новых проектов, потенциально стимулируя, а не подавляя, долгосрочные вложения. Третий механизм касается долговой динамики. Рост неравенства при сохранении социальных стандартов потребления часто подталкивает домохозяйства со стагнирующими реальными доходами к наращиванию кредитной нагрузки. Перераспределение, увеличивая их текущие располагаемые доходы, способно снизить зависимость от заемных средств для поддержания уровня жизни, тем самым уменьшив финансовую уязвимость экономики и сделав совокупный спрос более устойчивым к кредитным циклам. Анализ теоретического наследия и конкретных механизмов воздействия демонстрирует, что макроэкономический эффект перераспределения является результирующей сложного взаимодействия этих каналов, где итоговое

воздействие на совокупный спрос и стабильность определяется институциональным контекстом и параметрами проводимой политики.

Эмпирический анализ воздействия перераспределения на макроэкономические показатели сталкивается с методологическими сложностями, однако накопленные данные позволяют выявить ряд устойчивых закономерностей. Результаты кросс-страновых панельных исследований, в частности работы ОЭСР и МВФ, указывают на отсутствие систематического негативного влияния умеренного прогрессивного перераспределения на долгосрочный экономический рост в развитых странах. Более того, в ряде работ обнаружена слабая положительная корреляция между снижением неравенства после уплаты налогов и трансфертов и продолжительностью периодов устойчивого роста [2]. Ключевым эмпирическим подтверждением канала предельной склонности к потреблению служат исследования, фиксирующие более значительный мультипликативный эффект фискальной политики от увеличения доходов бедных и средних домохозяйств по сравнению с аналогичными мерами для высокодоходных групп. С другой стороны, попытки выявить однозначную причинно-следственную связь между перераспределением и динамикой инвестиций дают смешанные результаты, что подчеркивает зависимость этого канала от институциональной среды, доступа к глобальным финансовым рынкам и структуры экономики.

Современные вызовы принципиально меняют ландшафт для перераспределительной политики. Глобализация капитала и цифровизация экономики создают возможности для уклонения от налогообложения и минимизации фискальных обязательств через трансфертное ценообразование и офшорирование активов, что сужает национальную налогооблагаемую базу и усиливает давление на налоги на труд. Четвертая промышленная революция и рост ренты от интеллектуальной собственности меняют саму природу формирования богатства, концентрируя его у владельцев нематериальных

активов и платформ, что требует переосмысления традиционных инструментов налогообложения имущества. Кроме того, автоматизация потенциально усиливает функциональное неравенство, увеличивая долю капитала в доходе. В этих условиях классические инструменты (подходный налог) теряют эффективность, что активизирует дискуссии о новых формах: налоге на цифровые услуги, прогрессивном налогообложении чистого богатства, глобальном минимальном корпоративном налоге, а также об использовании технологий распределенных реестров для администрирования. Параллельно растет интерес к инструментам предраспределения, таким как инвестиции в всеобщий человеческий капитал и меры по демократизации владения капиталом (например, через фонды коллективного инвестирования работников), которые нацелены на изменение первичного распределения доходов до фискального вмешательства [4].

Выводы исследования формируют основу для конкретных рекомендаций в области экономической политики, нацеленной на укрепление совокупного спроса и долгосрочной устойчивости через модернизацию перераспределительных механизмов. Первостепенной задачей является реформа налогово-бюджетной системы, адаптированная к реалиям XXI века. Это предполагает не просто повышение ставок, а расширение базы налогообложения капитала и рентных доходов, включая прогрессивное налогообложение совокупных доходов домохозяйств от всех источников, а также последовательную борьбу с уклонением и офшоризацией через международную координацию [6]. Внедрение налога на сверхкрупное состояние может рассматриваться как инструмент, направленный не столько на фискальные сборы, сколько на снижение концентрации рыночной и политической власти. Критически важным является перебалансирование социальных расходов: переход от универсальных субсидий к целевым трансфертам, обладающим более высоким мультипликативным эффектом, и инвестиции в общедоступные блага

(образование, здравоохранение, инфраструктура), которые одновременно повышают справедливость и производительность экономики.

Для усиления автоматических стабилизаторов и снижения процикличности политики целесообразно рассмотреть введение автоматических правил, увязывающих размер трансфертов или налоговых вычетов с макроэкономическими индикаторами, такими как уровень безработицы или темпы роста ВВП. Это позволит оперативно поддерживать потребительский спрос в фазе спада без задержек, связанных с политическим циклом. Отдельным направлением является развитие инструментов предраспределения, включая поддержку коллективной собственности работников (через кооперативы или ESOP), регулирование, ограничивающее монопольную ренту, и политику, обеспечивающую более широкое участие в доходах от роста производительности [6].

Наконец, любая перераспределительная стратегия должна сопровождаться коммуникационной кампанией, разъясняющей ее роль не как социальной подачки, а как инвестиции в устойчивый и сбалансированный рост, стабильность финансовой системы и социальную сплоченность. Политический дизайн мер должен минимизировать искажающие эффекты, обеспечивая предсказуемость и долгосрочную ориентацию правил игры, чтобы сохранить стимулы для инноваций и производительных инвестиций. Таким образом, современная перераспределительная политика должна быть интегрированной, технологически продвинутой и нацеленной на структурные причины неравенства, превращаясь из инструмента социальной компенсации в неотъемлемый компонент стратегии макроэкономической стабилизации и развития.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что перераспределение богатства представляет собой сложный макроэкономический феномен, чье воздействие на совокупный спрос и общую устойчивость

экономической системы носит многоканальный и амбивалентный характер. Теоретический анализ выявил фундаментальное противоречие между подходами, акцентирующими негативные эффекты перераспределения на стимулы к сбережению и инвестициям, и концепциями, рассматривающими его как необходимый стабилизатор эффективного спроса и инструмент снижения финансовой хрупкости [1, 5]. Разрешение этого противоречия лежит не в плоскости выбора между абсолютным приоритетом эффективности или равенства, а в тонкой настройке институционального дизайна перераспределительных механизмов.

Влияние перераспределения на макроэкономическую динамику принципиально нелинейно и контекстуально. Его итоговый знак и сила зависят от выбора конкретных инструментов (прямые трансферты, прогрессивное налогообложение, инвестиции в общественные блага), исходного уровня неравенства, состояния экономического цикла и развитости финансовых рынков. Умеренное, адресное и предсказуемое перераспределение, нацеленное на поддержку доходов групп с высокой предельной склонностью к потреблению и одновременное инвестирование в человеческий капитал, способно выполнять роль встроенного стабилизатора. Оно поддерживает потребительский спрос в периоды спадов, снижает зависимость экономического роста от роста долговой нагрузки домохозяйств и может создавать позитивные ожидания, стимулирующие индуцированные инвестиции бизнеса. В то же время чрезмерно агрессивное или плохо спроектированное перераспределение, подрывающее доверие к правам собственности и создающее значительные искажения, действительно способно оказать негативное влияние на долгосрочный потенциал роста.

Особую актуальность в современных условиях приобретает адаптация перераспределительной политики к вызовам глобализации, цифровизации и роста значимости нематериальных активов. Традиционные фискальные

инструменты теряют эффективность, что требует инновационных решений на стыке налоговой, социальной и регуляторной политики, включая международную координацию [6]. Перераспределение богатства перестает быть лишь инструментом социальной политики, становясь неотъемлемым элементом стратегии обеспечения макроэкономической устойчивости, баланса между спросом и предложением, а также долгосрочной социально-экономической стабильности.

Библиографический список

1. Воинов, Е. В. Современный финансовый сектор и неравенство: прямые и обратные связи / Е. В. Воинов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2018. – № 4. – С. 84-90. – DOI 10.24411/2073-6487-2018-00061. – EDN UYGQFS.

2. Гулов, Т. У. Неравенство доходов и его влияние на экономику / Т. У. Гулов, С. А. Иванченко, Н. Д. Сысоев // Цифровое будущее науки и образования: тренды и перспективы: Сборник научных трудов. – Казань: ООО "Базис", 2024. – С. 305-313. – EDN XLHQOK.

3. Мартыанова, Е. В. Сценарная оценка макроэкономических эффектов прогрессивного налогообложения в России / Е. В. Мартыанова, А. В. Полбин // Финансовый журнал. – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 8-30. – DOI 10.31107/2075-1990-2024-1-8-30. – EDN WUWMHW.

4. Экономика, бизнес и право в новых условиях: монография / З. Р. Арсланбекова, Г. М. Бердыкулова, Н. О. Вихрова [и др.]. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. – 96 с. – ISBN 978-5-907160-84-2. – EDN YUNEUX.

5. Носков, А. В. Кейнсианская теория: краткий обзор / А. В. Носков // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сборник статей по материалам СССXXXIX международной научно-практической конференции, Москва, 08 Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ Эл № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

января 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Интернаука", 2024. – С. 426-428. – EDN GXZNRE.

б. Дмитриева, С. В. Формирование инновационной бюджетной политики государства / С. В. Дмитриева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13, № 12-1. – С. 45-55. – DOI 10.34670/AR.2024.47.60.006. – EDN JITDOO.